

О. А. Солопова

Челябинск, Екатеринбург, Россия

**МЕТАФОРЫ, КОТОРЫМИ ДОЛЖНА БЫЛА ЖИТЬ РОССИЯ...
(РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О РОССИИ XIX ВЕКА)**

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье представлен фрагмент исследования ретроспективных моделей будущего России, выполненного в рамках лингвополитической прогностики на материале американского политического дискурса XIX века. Ретроспективная модель будущего представляет собой систему концептуальных допущений о положении дел в будущем России с точки зрения прошлого (1855—1881). Модель будущего не только позволяет представить альтернативы развития настоящей ситуации в развернутой форме, но и проникнуть в прошлое и изучить его, поскольку понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху. Автор рассматривает специфику представления будущего, активность метафорических единиц (соотношение метафорической и неметафорической вербализации будущего России), соотношение употребления стертых и авторских образов, количество зафиксированных метафорических моделей, особенности реализации доминантных метафорических моделей «путь», «неживая природа», «болезнь», «животный мир», востребованных при моделировании будущего России в политических дискурсах Российской империи, США и Британской империи ретроспективного среза. Особое внимание уделяется прогностическому потенциалу политической метафоры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: будущее России; политический дискурс; образ России; политические метафоры; ретроспективный анализ; лингвополитическая прогностика; политическая метафорология; прогностические тексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры «Лингвистика и перевод» института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета); 454091, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 223; кафедра риторки, межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета, 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: solopovaolga@yandex.ru.

Исследование политической метафорологии — одно из интенсивно развивающихся направлений современного языкознания. За последнее десятилетие в рамках Уральской научной школы подготовлено множество исследований, посвященных разноаспектному описанию политической метафоры [Будаев 2010, 2012; Будаев, Чудинов 2011; Быкова 2013, 2014а, 2014б; Вершинина, Илюшкина 2015; Ворошилова 2012; Солопова 2014, 2015, 2016; Чудинов 2006, 2008, 2013; Шустрова 2013, 2014, 2015 и др.].

На современном этапе развития лингвистической научной мысли наметилась тенденция перехода от «нежелания когнитологов рассматривать языковые явления в их широкой исторической перспективе» к осознанию «явных преимуществ синхронно-диахронического изучения фактов языка как позволяющего придать всему анализу очевидный объяснительный характер» [Кубрякова 2009: 6].

Одним из этапов диахронического исследования является синхронный анализ, разновидностью которого является ретроспективное исследование, направленное на анализ метафорики, характерной для определенного исторического периода. Когнитологи стремятся проанализировать специфику проявления тенденций к исторической стабильности национальных систем политических метафор и их вариативности в различных синхронных срезах — досоветском [Кондратьева 2014; Солопова 2014, 2015, 2016 и др.], советском [Баранов 1991, 1994, 2003; Будаев 2010, 2011; Быкова 2013, 2014а,

2014б; Чудинов 2001], постсоветском [Баранов, Караулов 1994; Будаев 2007; Чудинов 2001], современном [Будаев, Чудинов 2008; Солопова 2015; Чудинов 2013 и др.].

К числу наиболее характерных черт дискурсивных метафор относятся их изменение, развитие полярных коннотативных смыслов в рамках одной метафоры [Henze 2004: 315] в конкретный момент времени, а также в течение длительного периода времени. Детальная интерпретация дискурсивной метафоры, локализуемой в рамках определенного временного среза, считается верхней временной границей, отправной точкой анализа ее дальнейшей эволюции [Musolff 2004, 2008], которая вскрывает причины ее изменения, влияние разнообразных дискурсивных факторов как на устойчивость отдельной метафоры и системы в целом, так и на ее модификации в течение времени.

А. Кларк отмечает [Clark 1996], что, рассматривая метафору изолированно, в рамках когнитивного подхода, социокультурного или любого другого, исследователь получает достоверные, но разрозненные данные: такой анализ является частичным, неполным и неточным, поскольку именно взаимодействие когнитивных особенностей и дискурсивных факторов, обусловленных историческим моментом развития общества, его культурой, дает полную метафорическую картину. Г. Уайт подчеркивает, что историческое постижение и осмысление возможны только благодаря использованию тропов [White 1973: 94]. По метафоре можно уви-

деть, какие интересы преобладают в народе в ту или иную эпоху, какие идеалы заложены в основу культуры на том или ином этапе ее развития [Пауль 1960: 115]. А. П. Чудинов считает метафору зеркалом, в котором отражается общественное бытие конкретного общества на определенном этапе его развития [Чудинов 2008]. М. М. Маковский указывает, что «метафора является своеобразной „картиной мира“, неодинаковой у носителей различных культур или одной и той же культуры в отдельные исторические периоды» [Маковский 1996: 16].

В статье представлен фрагмент исследования политической метафористики, доминантной для моделирования будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании [Солопова 2016]. Работа выполнена в рамках лингвополитической прогностики, материалом для анализа послужили прогностические политические тексты. Последовательно проведенный синхронный и диахронный анализ систем метафорических моделей, функционирующих в политических дискурсах трех стран, позволил зафиксировать ряд закономерностей в метафорической репрезентации будущего России. К диахроническим межмодельным сходствам национальных систем политических метафор относится доминантность моделей пути, болезни, неживой природы, типичных для политических дискурсов России, США и Великобритании двух анализируемых периодов (1855—1881; 2000—2014). Константность моделей в трех дискурсах свидетельствует о том, что названные сферы-источники являются универсальными для носителей разных языков и культур при моделировании будущего.

Исследовательской задачей в рамках настоящей статьи является ретроспективный анализ особенностей реализации названных доминантных метафорических моделей, востребованных при моделировании будущего России в политических дискурсах трех стран. В качестве параметров, выбранных для сопоставления, выступают соотношение метафорической и неметафорической вербализации будущего России; соотношение употребления стертых и авторских образов; количество зафиксированных метафорических моделей; доминантные для каждого дискурса модели; их наиболее частотные фреймы; смыслы, которые экстраполировались при применении каждого из образов.

Следует отметить, что в проанализированном корпусе текстов в дискурсе трех стран (3000 контекстов в каждом из дискурсов) неметафорическое представление будущего доминирует над образной репрезентацией (см. диаграмму на рис. 1). Процентный показатель метафорических контекстов (Российская империя — 35,2 %, США — 40,1 %, Британская империя — 44,8 %), отобранных для анализа в российском, американском и британском политическом дискурсе, включает все метафорические наименования, как индивидуально-авторские (Российская империя — 16,2 %, США — 24,5 %, Британская империя — 20,1 %), так и стертые метафоры (Российская империя — 19 %, США — 15,6 %, Британская империя — 24,7 %) от общего числа проанализированных метафорических и неметафорических единиц.

Несмотря на тот факт, что история XIX в. насыщена военными кампаниями, в которых Российская империя принимала непосредственное участие, а также острым соперничеством в европейских делах, параметр креативности метафор, т. е. удельный вес индивидуально-авторских употреблений, сравнительно невысок. Данные факты свидетельствуют о периоде «метафорического затишья» (термин А. П. Чудинова), типичного для периодов политической стабильности. В настоящем и в будущем Российской империи метафоры, их частотность и эмотивная нагруженность не прогнозируют кризисов и великих перемен.

Показательно, что наименьший процент метафорических контекстов в целом и ярких, авторских образов в частности, задействованных в создании модели будущего, зафиксирован в отечественном дискурсе, что может говорить о большей уверенности самой России в завтрашнем дне по сравнению с зарубежными странами, о вере в собственный потенциал.

Наиболее метафоричен британский политический дискурс ретроспективного среза, что обусловлено прежде всего историческими причинами: международной политической обстановкой, противостоянием России и Великобритании в Средней Азии, на Востоке, в Тихом океане, военными столкновениями, в которых страны выступали либо как соперницы, либо как союзницы враждующих государств.

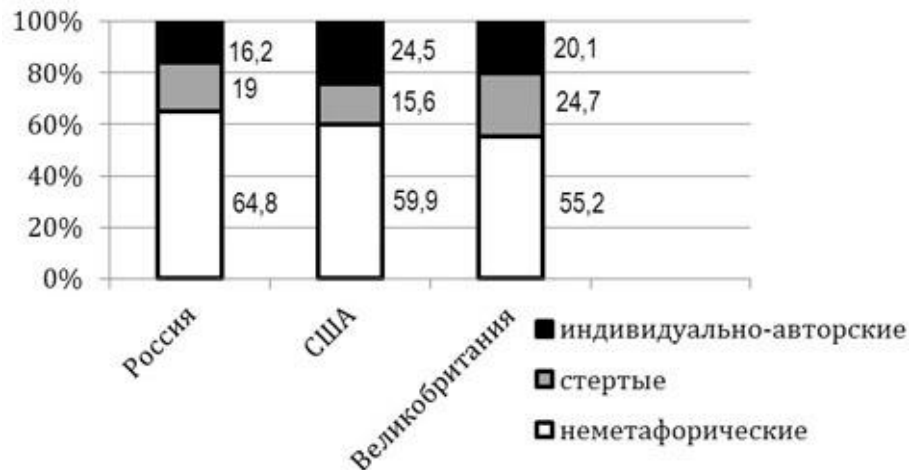

Рис. 1

Сравнительная диаграмма репрезентации образа будущего в политических дискурсах России, США и Великобритании (ретроспективный срез)

Таблица 1

Представленность фреймов метафорической модели «Будущее России — это движение по пути» (ретроспективный срез)

Дискурс	Фрейм			
	Путь, дорога	Способы передвижения	Скорость передвижения	Препятствия
Российская империя (316)	151	13	104	48
Британская империя (223)	89	10	44	80
США (112)	63	—	31	18

Интересно также отметить, что наибольшая доля индивидуально-авторских метафорических контекстов, репрезентирующих будущее Российской империи, характерна не для британского дискурса, а для корпуса текстов США, несмотря на то что общие показатели активности метафорических единиц в американском дискурсе несколько ниже. Однако британцы более склонны использовать «стертые метафоры», американцы — яркие, что свидетельствует о лингвокультурной специфике метафорических моделей политического дискурса двух наций, говорящих на одном языке.

Применительно к метафорам, составляющим образ будущего России в СМИ трех стран анализируемого ретроспективного среза, можно выделить систему метафор (повышенное скопление метафорических единиц, принадлежащих определенным понятийным областям, дающим образы, и нацеленных на одну и ту же область, принимающую образы), представляющих будущее России; комплекс устойчивых и воспроизводимых в политических дискурсах трех стран метафорических моделей.

В анализируемом корпусе британских текстов зафиксировано 1345 контекстов, ак-

тивизирующих 17 моделей, в американских текстах — 1203 метафорических контекста, реализующих 16 метафорических моделей, в российском дискурсе — 1057 единиц и 14 метафорических моделей.

Показательно, что тематика пространства, выбора направления и пути является одним из самых популярных источников образов при моделировании будущего, занимающая первое по частотности место в дискурсе России и Великобритании рассматриваемого хронологического среза; четвертое — в американских текстах, что в первую очередь отражает линейное восприятие времени человеком: движение из прошлого через настоящее в будущее (таблица 1).

Особенно активны метафоры пути в отечественном политическом дискурсе. Русскому человеку привычно начинать все сначала, разрушая прежний порядок до основания. Новое направление пути выбирается по мере обнаружения того, что прежнее направление ведет в тупик, а новое, как правило, всегда считается лучше былого: *Крымская война имела целью повредить России, но только ей и принесла пользу. Веревки, которыми мы были связаны по рукам и ногам — ослабили, перетерлись во*

время войны, испуганный тюремщикъ самъ померъ... И Россія съ тѣхъ поръ идетъ мощно впередъ по широкой дорогѣ, не смотря на всѣ черепки и битыя бутылки, в родѣ Панина, Орлова, Муравьева, оставленные у ней подъ ногами упрямымъ и небрежностью шоссейнаго зрителя, не смотря на дворянскія комитетскія лужи и бакалдины, ни на ложныя маяки доктринеровъ (Колоколь, май 1859). В российском политическом дискурсе ретроспективного среза наибольший прогностический потенциал эксплицируют метафорические наименования фреймов «Путь, дорога», «Скорость передвижения». Метафоры пути, дороги получают особое значение благодаря тому, что в контексте моделирования будущего они закладывают фундамент понимания направления и связанной с ним целесообразности общественного движения в будущее (дальнѣйшее движеніе наше впередъ, идти впередъ по пути своего развитія, стоять на непротоптанномъ пути, разставаться съ трудными путями, идти рука въ руку одной дорогой, запнуться на первомъ шагѣ, пролагать болѣе прочный путь, идти путемъ к величію и единству, положить сзади непроходимый рубежъ, не оставить возможности для обратнаго хода, дѣлать послѣдній шагъ по этому пути, передъ нами величайшая дорога и др.). Метафоры пути моделируют не просто перемещение России во времени и пространстве. Будучи символом изменений, они задают вектор происходящим изменениям: Российская империя движется вперед, в будущее. Метафорические наименования фрейма «Скорость передвижения» акцентируют стремительность движения в будущее, высокие темпы развития государства (нестись съ быстротою необычайною, нестись стремглавъ, нестись вскачь, двинуться быстрыми шагами, проворно идти с Россіей, мчаться, развитив круто скрученные вожжи и др.).

В британском политическом дискурсе в процессе когнитивного построения политической реальности будущего Российской империи наиболее активно используется прогностический потенциал фреймов «Путь, дорога», «Препятствия»: **Onward and onward, ever on — to the Far East, until the conqueror signs a Treaty of Peace with the vanquished British — that is due of the fixed objects of the Slavonian mind. Every step in advance may be painful and perilous, but the great prize is not grasped at once; it is approached by a systematic course of stealthy advances** (The Era, 11.01.1857 (GB)). We know that many countries will support us in re-

stricting **Russia's further and future encroachments in Europe, because their interests are deeply concerned** (Derby Mercury, 17.07.1878 (GB)). В политическом дискурсе Великобритании единицы указанных фреймов преимущественно связаны с экспансионистскими устремлениями Российской империи: Российская империя ориентирована на расширение своего территориального пространства в будущем. Отсюда желание притормозить подобное развитие событий в будущем, использование наименований с негативным прагматическим потенциалом, вызывающим в сознании адресата представления о наличии на пути развития страны множества препятствий, затрудняющих ее продвижение вперед (*Russia's historical path being still surrounded and obstructed by many obstacles and many trials, the difficulties cannot be suddenly overleaped, serious difficulties in her path, her main obstacles, one key obstacle, her chief restriction, a significant hindrance, an obstruction, her mid impediment, a barrier, etc.*).

Как и в случае британского дискурса, метафоры «пути» в политическом дискурсе США активны в репрезентации территориального расширения России: **Russia, like the United States, is an improving and expanding Empire. Its track is eastward, while that of the United States is westward. The two nations, therefore, never come into rivalry or conflict. Each carries civilization to the new regions it enters, and each finds itself occasionally resisted by States jealous of its prosperity, or alarmed by its aggrandizement. Russia and the United States may remain good friends until, each having made a circuit of half the globe in opposite directions, they shall meet and greet each other in the region where civilization first began, and where, after so many ages, it has become now lethargic and helpless. It will be your pleasing duty to confirm and strengthen these traditional relations of amity and friendship** (The New York Times, 11.12.1861 (US)). В рамках рассматриваемой модели при концептуализации будущего Российской империи превалируют метафорические наименования фрейма «Путь, дорога» (*to take decisive steps, to make advances, a single step, to work by steps, the last step before the spring, a step forward, a stride forward, her quick and long strides, Russia's path, race, glorious route, wide road, etc.*). Характерной особенностью американского дискурса в осмыслении будущего Российской империи является неизменный позитивный заряд метафор, активизирующих смыслы деятельности, динамики, последовательности, непрерывности внешнего и внутреннего раз-

вития Российской империи, что часто под-держивается выбором видо-временных форм глагола (*Present Continuous, Present Simple* в значениях действия в развитии, настоящего-вневременного соответственно).

Еще одной общей для трех дискурсов доминантной моделью в представлении образа будущего Российской империи является морбиальная метафорика (третья по частотности модель в российском дискурсе, вторая — в американском, четвертая — в британском) (таблица 2).

Частотность метафорических единиц со сферой-источником «болезнь» при моделировании будущего оправдана. Как и в случае с метафорикой пути, где в настоящем страна либо следовала по ложной дороге, либо преодолевала невероятные препятствия, стремясь в будущее, в рамках метафоры болезни при моделировании образа будущего используется как позитивный, так и негативный потенциал морбиальных метафор, резерв отрицательной экспрессивности проявляется при характеристике настоящего положения дел. В зависимости от принадлежности текста дискурсу той или иной страны морбиальная метафора участвует в создании диаметрально противоположных образов будущего.

В трех дискурсах самым востребованным при создании картин будущего является фрейм «Состояние пациента». Показательно, что в американском и российском дискурсах фрейм большей частью представляют метафоры слота «Выздоровление»: ***The Russian race is slowly recovering from an oppression*** (The New York Times, 13.03.1878 (US)). *Въ органическомъ тѣлѣ, вслѣдствіе извращенія естественныхъ отпавленій его, могутъ развиваться уродливыя и болѣзненныя явленія; но если въ этомъ тѣлѣ сила жизни велика, она побѣдитъ болѣзненное разстройство* (Вѣстникъ

Юго-Западной и Западной Россіи, январь — декабрь 1863). Болезненному состоянию общества в настоящем противопоставляется возможное выздоровление, акцентируется внимание на вероятных позитивных преобразованиях в стране, создается модель будущего мира, по своим качественным характеристикам отличного от реального.

При создании образов будущего в британском дискурсе ретроспективного среза метафорические выражения, представляющие слот «Выздоровление», находятся на периферии фрейма. На первый план выдвигается слот «Тяжелое состояние больного», что можно объяснить стремлением геополитического соперника к сгущению красок при описании настоящей ситуации в России и ее потенциального будущего: ***We cannot here dwell upon the manifold symptoms of Russia's unhealthiness; but we may repeat that Alexander II owes these interior difficulties, as well as the exterior embarrassment. The organism which has thus been thoroughly far from sound, and all the greater is now the difficulty of placing it in a condition of healthful development. But, however arduous the task, Alexander II may hope to accomplish it*** (Pall Mall Gazette, 06.04.1877 (GB)). Содержательные аспекты концепта болезни используются в зависимости от идеологической позиции автора текста и от того, ставит ли он перед собой цель подчеркнуть в образе будущего Российской империи положительные моменты или, наоборот, отрицательные: ***The malady of Russia is incurable. It is a political system that places a semi-barbarous population at the feet of one man*** (The Times, 30.11.1855 (GB)). *Like a patient who has long been suffering from a painful malady, now that the illness has been removed the country breathes more freely* (The Standard, 27.03.1871 (GB)).

Таблица 2

Представленность фреймов метафорической модели
«Будущее России — это болезнь» (ретроспективный срез)

Дискурс	Фрейм				
	Диагноз	Причины и возбудители болезни	Симптомы	Способы лечения	Состояние пациента
США (126)	34	—	7	—	85
Российская империя (110)	29	16	28	7	30
Британская империя (149)	58	16	12	—	63

Таблица 3

Представленность фреймов метафорической модели
«Будущее России — это мир неживой природы» (ретроспективный срез)

Дискурс	Фрейм				
	Земля	Вода	Стихийные бедствия	Атмосфера	Небесные тела
США (115)	17	15	9	67	7
Российская империя (69)	16	31	8	14	–

Не меньшим прогностическим потенциалом обладает метафорика, представляющая тенденции настоящего и их вероятное развитие в будущем посредством метафорических единиц исходной понятийной сферы «Диагноз»: *Вся ложь, всь аномалию, всь болъзни в современномъ строе и организації общества истекаютъ изъ этой аномальной организации народнаго труда. В ргъшеніи этихъ вопросовъ заключается ключъ всей будущности русскаго народа* (Вестник Европы, кн. 1, янв. 1870). *We are, all of us, convinced that Russia will eventually recover from the present afflictions and “come back”. There is still a future for Russia* (Indianapolis Indiana State Sentinel, 18.04.1877 (US)). *Russia has taken the malady from her weaker neighbour. And the present Czar may be classed in the category of the “sick man”. There is sickness nigh to destruction through the whole extent of that incongruous empire* (York Herald, 06.06.1863 (GB)). Метафоры рассматриваемого фрейма указывают на нарушение функций политических, экономических, социальных отношений внутри общества, эксплицируя негативные ассоциативные признаки, связанные с неполноценностью проводимой политики в стране, ее отклонениями от нормы, невозможностью полноценного функционирования в будущем. Наиболее полные перечни настоящих и будущих «заболеваний» Российской империи представлены в российском и британском дискурсах: *малокровіе, патологическое явленіе, произвольное изверженіе организма, душевная болъзнь, разладчица нервовъ, нравственная болъзнь, болъзнь воли, болъзнь, требующая леченія, болъзненное разстройство* и др.; *a perilous illness, abominable cancer, Russia being paralysed by a wicked enchanter, a painful malady, an untreatable illness, a generational disease, her own deadly domestic malady*, etc. Оба фрейма («Состояние пациента», «Диагноз») позволяют диагностировать и обозначить тенденции настоящего и спрогнозировать их будущие разнополярные альтернативы.

В российском и в американском дискурсах анализируемого исторического периода

востребованной является метафорическая модель, где будущее страны связывается с миром неживой природы, занимающая пятое и третье по частотности место соответственно (таблица 3).

В политическом дискурсе США ретроспективного среза наиболее востребованы в моделировании будущего Российской империи метафорические единицы, представляющие слот «Атмосфера»: *Russian clouds and mists, brewing, black clouds, a political barometer, a war cloud arisen, the horizon, dark and fiery folds, the long-threatening and slowly-advancing thundercloud, a stormy cloud, a storm-cloud, heavy cloud, a vortex, frigid climate, icy climate*, etc. Прогноз погоды, как обоснованное предположение о будущем состоянии погоды на определенной территории в заданный промежуток времени, метафорически переносится на моделирование возможных внешнеполитических маневров Российской империи. Метафоры данного фрейма проявляют особую активность в концептуализации домена «внешняя политика». Прогнозы предстоящих изменений во внешнеполитической обстановке создаются за счет частотного употребления метафор «туман», «облака», «грозовая туча»: *The European war cloud has again arisen above the horizon, with unpleasant indications that its dark and fiery folds will in the near future envelop Russia and Turkey, and continue to extend until other powers are included in the strife. The general impression seems to be that there is now no means of escape. Russia is aggressive and Turkey is defiant, Austria, whose frontier is exposed, it is thought will be the first of the powers not directly a party to the contest to be drawn into the vortex* (Indianapolis Indiana State Sentinel, 18.04.1877 (US)). Метафоры модели репрезентируют сложившуюся ситуацию как проблемную, изменчивую, плохо прогнозируемую, с вероятными «бурными», опасными последствиями для всех стран — участниц событий, инициатором которых часто является Российская империя.

Интересно отметить, что в политическом дискурсе США для моделирования будущего двух стран (России и Америки) в одном кон-

тексте активно используются метафорические единицы фрейма «Небесные тела»: *As we look into the future, with the past and the present for our guides, we see two great objects looming up conspicuously above all others, Russia and the United States, each one having double the population that is now possessed by all Europe* (New York Advertiser, 15.03.1865 (US)). Единицы рассматриваемого фрейма репрезентируют будущее двух планет-гигантов — Российской империи и США, прогнозируя размах и масштабность будущих преобразований, удаленность двух держав от государств Старого Света.

Идеи масштабности, значительности происходящих и вероятных маневров Российской империи в американском политическом дискурсе передаются также метафорой «ледника»: *There is, indeed, something awe-inspiring in the calm, persistent, passionless advance of the great Northern power. It is like the progress of a glacier, but of a glacier endowed with a purpose* (Sacramento Daily Union, 15.05.1875 (US)). Бескрайние массы льда, спускающиеся с вершин, способные остановить течение крупных и мелких рек, безмолвные, бесстрастные, постоянные в своем движении, наводят на мысль о серьезной опасности, которую могут представлять тем, кто встретится на пути.

Метафорические единицы сферы-источника «неживая природа» в американском политическом дискурсе ретроспективного среза пронизаны векторами масштабности, непредсказуемости, опасности, что позволяет прогнозировать как позитивный исход развития событий в будущем, так и негативные последствия.

В отечественном дискурсе наибольший прогностический потенциал при моделировании будущего страны демонстрирует гидронимная метафорика, актуализирующая модель «Будущее России — это состояние и движение воды»: *славянскіе ручьи, русское море, удары внѣшнихъ бурь, взволнованныя стихіи, неистовство вѣшнихъ водъ,*

прорвать плотину, бурный мутный потокъ, морское дно, океанъ широкій и бездонный, прибрежный прибой, поверхность стоячей, зноющей воды, широкое русло совершенно-лѣтней жизни, сорваться в пучину и др. Единицы рассматриваемого фрейма востребованы в моделировании будущего, поскольку общим компонентом гидронимных метафор является позитивное развитие, безостановочное и стремительное движение вперед, изменение, активность, сила потока. С другой стороны, метафоры данной источниковой сферы, как правило, насыщены смыслами стихийного разрушения, невозможности противостоять силам природы: *Да Россія — это океанъ широкій и бездонный. Когда онъ расходится, и прибрежный его прибой — грозень, а въ срединѣ его находили и найдутъ неизбѣжную могилу отважные аргонавты* (Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи, март 1863). Гидронимные метафоры символизируют масштабность, бескрайность русского океана, моделируя опасный характер поведения водной стихии, непредсказуемость будущей ситуации. Метафоры указанной понятийной сферы в отечественном дискурсе нацелены не только на моделирование будущего самой России, но и на предостережение тех, кто посягает или собирается посягнуть на ее ширь и мощь: *Гдѣ начнетъ разгромъ — въ потухнушемъ ли французскомъ кратерѣ или на морскомъ днѣ англійской жизни, куда вѣтеръ не доходитъ, гдѣ бури неслышны, куда самый свѣтъ едва проникаетъ?* (Колоколь, №4, 1861). Прогностический потенциал гидронимных метафор обусловлен, с одной стороны, позитивным прагматическим потенциалом рассматриваемых единиц, репрезентирующих будущее как постоянное движение вперед, с другой стороны, возможностью смоделировать непредсказуемый и опасный вариант изменения ситуации в будущем, что позволяет представить разновекторное развитие событий: в «светлую» и «мрачную» стороны.

Таблица 4

Представленность фреймов метафорической модели
«Будущее России — это животный мир» (ретроспективный срез)

Дискурс	Фрейм				
	Состав	Части тела	Действия	Обращение	Места обитания
США (174)	56	45	49	11	13
Британская империя (156)	49	43	47	7	10

Для англоязычных политических дискурсов ретроспективного среза типично использование зоосимволов при моделировании настоящих и будущих отношений Российской империи с другими странами — участниками международной политической жизни: *In twice two hundred years the Bear and the Crescent shall assail, but if the Cock and Bull unite, the Bear shall not prevail. So far, so good. The Bear (Russia) did assail the Crescent (Turkey), but France and England (presented by the Cock and Bull respectively) united with Turkey, and the Bear was foiled* (Ticonderoga Sentinel, 15.06.1877 (US)). *Probably, if we could get to the bottom of Afghan thought, it would be that the Russian bear and the British lion were equally determined to have Afghanistan, and that the only difference is that while the Russian comes with subtle swiftness directly to his victim, the British lion waits until he sees an opportunity to make a sudden spring* (Reynolds's Newspaper, 01.12.1878 (GB)). Животные служат наглядной парадигмой, отношения между элементами которой могут использоваться как определенная модель человеческого общества [Топоров 1994: 440]. Проводимая Российской империей активная политика в рассматриваемый период вовлекает в орбиту ее внешнеполитической деятельности различные страны, каждая из которых представляет собственную, отличную от других модель общества, что актуализирует использование разнообразных метафорических наименований фрейма «Состав животных»: *the Russian Bear, the British Lion, the British Bull, the American Eagle, the French Cock, an ursine type, a tiger, a cat, a wolf, a sheep, a sheep-dog, a gobbler, an insect, a slug, an African locust, etc.*

В большей части метафорических контекстов со сферой экспансии «Состав животных» эксплуатируется «медвежья» метафора, с которой отождествляется Российская империя, что, в свою очередь, обуславливает активное функционирование наименований фрейма «Действия животных» (слот «Агрессивное поведение животных»): *to waddle up, to roar, to howl, to lash one's tail, to gnash one's teeth, to grit one's teeth, to bare one's teeth, to track one's way, to mark for a prey, to prepare for a spring, to grasp, to scratch to bleeding, etc.*

Метафорические смыслы, рождаемые метафорой в англоязычном дискурсе рассматриваемого периода, отражают варварство, неуклюжесть, жадность, жестокость, беспощадность, агрессию России: *As is well known, the bear has a fondness for honey, and will track his way a great distance to where the wild bees have filled some hollow tree. Their sting cannot hurt him, and they*

and their stores are entirely at his mercy (Fort Collins Courier, 27.07.1878 (US)). *This Russian circular to every foreign representative of Russia at foreign courts is faithfully characteristic of Russian impudence; and impudence to Russia is to Russia what the bear's skin is to the bear. To this may be added other faculties and properties of her ursine type. She can climb, and swim, and hug, and slaver* (Lloyd's Weekly Newspaper, 05.10.1856 (GB)). Россия-медведь является воплощением силы, необузданной вспыльчивости, прожорливости и жадности, представляется государством, способным преодолеть различные препятствия, чтобы добыть излюбленное лакомство — новые территории и колонии.

Агрессивное поведение России-медведя, ее мощь, хитрость, вороватость моделируют непредсказуемость будущих ситуаций, вероятность нескольких альтернатив развития событий на международной политической арене, что позволяет оправдать собственные внешнеполитические действия и устремления.

Показательно, что помимо того, что в российском политическом дискурсе зооморфная модель занимает лишь десятое по частотности место, в нем не зафиксировано ни единой «медвежьей» метафоры. Данный факт свидетельствует о том, что в XIX в. Россия не ассоциировала себя с образом медведя, столь востребованным в отечественном дискурсе последующих столетий.

Нельзя пытаться понять метафору дискретно: только через лингвистическую, когнитивную или социально-культурную составляющую. Поскольку язык, мышление и культура неразрывно связаны, дискурсивные метафоры социально и культурно ситуативны, зависимы от контекста, дву- и много-смысленны — предлагают возможности для разнообразных интерпретаций. Они обнаруживают удивительное концептуальное постоянство, представляя укоренившиеся в сознании объекты при непрерывно изменяющемся социально-культурном фоне.

Самой востребованной моделью в политических дискурсах трех стран, единицы которой активны в моделировании будущего России, является метафора пути, что вполне оправданно, учитывая линейное восприятие временной последовательности как движения из прошлого через настоящее в будущее, где настоящее государства «знает» и «помнит» о прошлом и открыто будущему, в которое оно устремлено.

Высокочастотность метафоры болезни, вероятнее всего, обусловлена органической теорией происхождения государства и связана с концептуализацией любой страны как разновидности биологического организма,

эволюция которого приравнивается к эволюции биологической. Проецирование биологических законов на функционирование общественно-политических формаций актуализирует источниковую сферу болезни, значимость которой при моделировании будущего возрастает, поскольку морбиальная метафорика, диагностируя настоящее, предлагает разнополярные варианты его развития в будущее.

Регулярная представленность единиц источниковой сферы «неживая природа» в репрезентации будущего России позволяет смоделировать неопределенность грядущего, изменчивость окружающего мира и непредсказуемость будущего, отражая динамичность и стихийность происходящих процессов. В политических дискурсах исследуемого периода XIX в. востребованность рассматриваемой сферы метафорической экспансии привязана к территориальному фактору: бескрайние пространства России актуализируют концептуальные смыслы масштабности, размаха, всеохватности.

Активность метафорических единиц сферы-источника «животный мир» в концептуализации будущего России связана, во-первых, с традицией зооморфной метафоризации стран, берущей начало в библейских текстах. Во-вторых, употребление зооморфизмов отличает насыщенность негативными прагматическими смыслами «чуждости», «инаковости», направленными на формирование негативного образа политического противника и его вероятного будущего. Следует отметить устойчивые ассоциации России с образом «медведя» в англоязычных дискурсах, что контрастирует с отсутствием данного образа в российском ретроспективном срезе.

Концептуальная метафора, моделирующая образ будущего, воздействует на видение и оценку предполагаемых реалий будущего, структурирует взгляд адресата на мир. Участвуя в создании образа грядущего, метафора указывает на направление развития общества, отражает динамику политических процессов, смену общественных приоритетов, характер социальных событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. — М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. 193 с.
2. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9—23.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: моногр. — Н. Тагил, 2011.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: моногр. — М.: Флинта: Наука, 2012. 310 с.
5. Быкова Т. Ю. Подготовка к войне или великая стройка? Метафорический образ Советского Союза в довоенный период (1930—1939 гг.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 69—74.
6. Быкова Т. Ю. Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1930—1954 гг. // Политическая лингвистика. 2014а. № 2. С. 114—119.
7. Быкова Т. Ю. Метафорический образ СССР в советском и американском медийных политических дискурсах 1930—1954 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2014б. 23 с.
8. Вершинина Т. С., Илюшкина М. Ю. Влияние медийного дискурса на формирование коллективной модели политического настроения // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 80—85.
9. Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 94—99.
10. Кондратьева О. Н. Динамика метафорической модели в русской лингвокультуре (XI—XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — Екатеринбург, 2014. 404 с.
11. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5—12.
12. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка: слово в зеркале человеческой культуры. — М.: Диалог, 1999. 416 с.
13. Солопова О. А. Россия в Европе: будущее в метафорическом зеркале прошлого // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 126—137.
14. Солопова О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: моногр. — М.: Флинта: Наука, 2015. 312 с.
15. Солопова О. А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1885—1881) и XXI в. (2000—2014): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2016. 38 с.
16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
17. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ // Язык средств массовой информации. — М.: Академический проект, 2008. 419 с.
18. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.
19. Шустрова Е. В. Архетипические образы старого мудреца в американской политической карикатуре // Языковое образование сегодня — векторы развития: материалы IV междунар. науч.-практ. конф.-форума. — Екатеринбург, 2013. С. 248.
20. Шустрова Е. В. Поступок Эдварда Сноудена и его метафорические последствия в американской графике // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 114—127.
21. Шустрова Е. В. Зооморфизмы в американской карикатуре времен Великой депрессии // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 59—63.
22. Clark A. Being there: Putting brain, body, and world together again. — Cambridge, MA: MIT, 1997. 167 p.
23. Henze B. Scientific definition in rhetorical formations: Race as “permanent variety” // *Ethnology. Rhetoric Review* / J. C. Pri-chard (ed.). 2004. Vol. 23 (4). P. 311—331.
24. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — New York: Palgrave Macmillan, 2004. 220 p.
25. Musolff A., Frank R. M. [et al. (eds.)]. The embodiment of Europe: How do metaphors evolve? — New York: Palgrave MacMillan, 2008. P. 301—385.
26. White H. V. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe. — Baltimore; London: The Johns Hopkins Univ. Pr., 1973. 448 p.

O. A. Solopova

Ekaterinburg, Chelyabinsk, Russia

METAPHORS RUSSIA WAS TO HAVE LIVED BY...

(BASED ON THE MATERIAL OF PROGNOSTICATING POLITICAL TEXTS ABOUT RUSSIA, THE XIXTH CENTURY)

ABSTRACT. *The article presents a piece of the author's approach to studying retrospective models of Russia's future with the help of methods and tools of linguistic political prognostics. The material for the analysis is Russian, American and British political discourses of the XIXth century (1855—1881). Any retrospective model represents a system of conceptual assumptions concerning a hypothetical situation in Russia's future from the standpoint of the past. To interpret this or that political discourse is to know its background, to understand expectations of the author and the audience, their hidden motives, plot schemes and favorite logic transitions typical of a particular historic era. The present article deals with peculiarities of representation of Russia's future, as well as with general activity of metaphorical units (correlation of metaphorical and non-metaphorical verbalization of Russia's future), correlation of "common" and "bright" metaphors, number of metaphorical models fixed in this or that discourse, peculiarities of dominant metaphorical models portraying Russia's future as PATH, DISEASE, INANIMATE NATURE, FAUNA in political discourses of the Russian Empire, the United States and the British Empire in the retrospective period analyzed. The author pays special attention to the predictive potential of political metaphors.*

KEYWORDS: future of Russia; political discourse; the image of Russia; political metaphor; retrospective analysis; linguo-political prognostics; political metaphorology; prognostic texts.

ABOUT THE AUTHOR: Solopova Olga Alexandrovna, Doctore of Philology, Associate Professor; Department of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, Southern Ural State University (National Research University); Department of Rhetoric, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora: materialy k slovaryu. — M.: In-t rus. yaz. AN SSSR, 1991. 193 s.
2. Budaev E. V. Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 9—23.
3. Budaev E. V. Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya: monogr. — N. Tagil, 2011.
4. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii: monogr. — M.: Flinta: Nauka, 2012. 310 s.
5. Bykova T. Yu. Podgotovka k voyne ili velikaya stroyka? Metaforicheskiy obraz Sovetskogo Soyuz v dovoennyi period (1930—1939 gg.) // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3. S. 69—74.
6. Bykova T. Yu. Ottsy i deti velikoy strany: metafora rodstva v sovetskom politicheskom mediadiskurse 1930—1954 gg. // Politicheskaya lingvistika. 2014a. № 2. S. 114—119.
7. Bykova T. Yu. Metaforicheskiy obraz SSSR v sovetskom i amerikanskoy mediynnykh politicheskikh diskursakh 1930—1954 gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2014b. 23 s.
8. Vershinina T. S., Ilyushkina M. Yu. Vliyanie mediynogo diskursa na formirovanie kolektivnoy modeli politicheskogo nastroya // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 80—85.
9. Voroshilova M. B. Kreolizovannaya metafora: pervye zarisovki // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 94—99.
10. Kondrat'eva O. N. Dinamika metaforicheskoy modeli v russkoy lingvokul'ture (XI—XX vv.): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. — Ekaterinburg, 2014. 404 s.
11. Kubryakova E. S. V poiskakh sushchnosti yazyka // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2009. № 1. S. 5—12.
12. Makovskiy M. M. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo angliyskogo yazyka: slovo v zerkale chelovecheskoy kul'tury. — M.: Dialog, 1999. 416 s.
13. Solopova O. A. Rossiya v Evrope: budushchee v metaforicheskom zerkale proshlogo // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2014. № 3. S. 126—137.
14. Solopova O. A. Diakhronicheskaya sopostavitel'naya metaforologiya: issledovanie modeley budushchego v politicheskom diskurse: monogr. — M.: Flinta: Nauka, 2015. 312 s.
15. Solopova O. A. Lingvopoliticheskaya prognostika: sopostavitel'noe issledovanie modeley budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SShA i Velikobritanii KhKh v. (1885—1881) i KhKhI v. (2000—2014): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2016. 38 s.
16. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. — M.: Flinta: Nauka, 2006. 256 s.
17. Chudinov A. P. Kognitivno-diskursivnoe issledovanie metafor v tekstakh SMI // Yazyk sredstv massovoy informatsii. — M.: Akademicheskii proekt, 2008. 419 s.
18. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii: monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.
19. Shustrova E. V. Arkhetipicheskie obrazy starogo mudretsa v amerikanskoy politicheskoy karikature // Yazykovoe obrazovanie segodnya — vektory razvitiya: materialy IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.-forum. — Ekaterinburg, 2013. S. 248.
20. Shustrova E. V. Postupok Edvarda Snoudena i ego metaforicheskie posledstviya v amerikanskoy grafike // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1. S. 114—127.
21. Shustrova E. V. Zoomorfizmy v amerikanskoy karikature vremen Velikoy depressii // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4. S. 59—63.
22. Clark A. Being there: Putting brain, body, and world together again. — Cambridge, MA: MIT, 1997. 167 p.
23. Henze B. Scientific definition in rhetorical formations: Race as "permanent variety" // Ethnology. Rhetoric Review / J. C. Pritchard (ed.). 2004. Vol. 23 (4). P. 311—331.
24. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — New York: Palgrave Macmillan, 2004. 220 p.
25. Musolff A., Frank R. M. [et al. (eds.)]. The embodiment of Europe: How do metaphors evolve? — New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 301—385.
26. White H. V. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe. — Baltimore; London: The Johns Hopkins Univ. Pr., 1973. 448 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.